DOI: 10.31249/rsm/2022.04.08

Д. Хайнциг

ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ОТЧИСЛЕНИЕ ИЗ ГУМБОЛЬДТСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В 1954 г. ВОСПОМИНАНИЯ

Перевод с немецкого и подготовка к публикации Д.В. Стерхова, вступительная статья В.П. Любина

Аннотация. *Публикуются воспоминания Дитера Хайнцига, немецкого синолога с мировой известностью, бывшего замдиректора Института BIOST в Кёльне (ФРГ), с которым у ИНИОНа было партнерское соглашение в период 1977–1990 гг. По этому соглашению Д. Хайнциг с семьей был на стажировке в ИНИОНе в течение года в 1980–1981 гг. Хайнциг является автором нескольких публикаций в журнале «Россия и современный мир». В данной статье он делится воспоминаниями о своем преподавании русского языка в послевоенной средней школе в районе Рудных гор (Erzgebirge) в Саксонии, затем учебе как будущего специалиста по Китаю в расположенном в Восточном Берлине в Университете им. Гумбольдта. Особое внимание Хайнциг уделяет восстанию в Восточном Берлине 17 июня 1953 г. и его последствиям как для общественно-политической жизни в ГДР, так и для себя лично. На 1954 г. пришелся пик противостояния Дитера Хайнцига с партийными властями ГДР, в результате которого молодой студент-синолог был принудительно отчислен из Гумбольдтского университета и направлен на бессрочную производственную работу. Эти события вынудили Хайнцига бежать из Восточного Берлина на Запад и продолжить обучение уже в западногерманском Гамбургском университете. Эти воспоминания представляют ценность для исследователей противостояния восточного и западного блоков в Европе периода холодной войны, для историков, изучающих историю Германии.*

Ключевые слова: *Дитер Хайнциг; Гумбольдтский университет; ГДР; холодная война; восстание 17 июня 1953 г.; мемуары; воспоминания.*

Стерхов Дмитрий Владимирович – кандидат исторических наук,
научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.
Россия, Москва.
E-mail: dmitrii.sterkhov1987@gmail.com

**Любин Валерий Петрович – доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН. Россия, Москва.
E-mail: valerij.ljubin@gmail.com**

Heinzig D. Forced expulsion from the Humboldt university in 1954. A memoir

Translation from German and preparation for publication by D.V. Sterkhov, introductory article by V.P. Lubina

***Abstract**. The memoirs of Dieter Heinzig, a world-famous German sinologist, former deputy. director of the BIOST Institute in Cologne (Germany), with which INION had a partnership agreement in the period between 1977 and 1990. Under this agreement, D. Heinzig and his family were on an internship at INION for a year in 1980–1981. Heinzig is the author of several publications in the «Russia and the Modern World» journal. In this article, he shares his memories of teaching Russian at a post-war high school in the Ore Mountains (Erzgebirge) in Saxony, then studying as a future Chinese specialist at the Humboldt University in East Berlin. Heinzig pays special attention to the uprising in East Berlin on June 17, 1953 and its consequences both for the social and political life in the GDR and for himself personally. 1954 saw the peak of the confrontation between Dieter Heinzig and the party authorities of the GDR, as a result of which the young Sinologist student was forcibly expelled from the Humboldt University and sent to indefinite production work. These events forced Heinzig to flee East Berlin to the West and continue his studies at the West German University of Hamburg. These memoirs are of value to researchers of the confrontation between the Eastern and Western blocs in Europe during the Cold War, as well as to historians studying the history of Germany.*

***Keywords:** Dieter Heinzig; Humboldt University; East Germany; Cold War; June 17 1953 uprising; memoirs.*

**Sterkhov Dmitrii Vladimirovich – Candidate of Historical Sciences,
Research Assistant of the Institute of World History
of the Russian Academy of Sciences. Russia, Moscow.
E-mail: dmitrii.sterkhov1987@gmail.com**

**Lyubin Valery Petrovich – Doctor of Historical Sciences,
Leading Researcher, Institute of Scientific Information
for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences.
Russia, Moscow.
E-mail: valerij.ljubin@gmail.com**

Дитер Хайнциг, синолог с мировой известностью, бывший замдиректора Института BIOST в Кёльне (ФРГ), с которым у ИНИОНа было партнерское соглашение в период 1977–1990 гг. По этому соглашению Д. Хайнциг с семьей был на годовой стажировке в ИНИОНе (1980–1981). Он автор нескольких публикаций в журнале «Россия и современный мир». В данной статье он делится воспоминаниями о своем преподавании русского языка в послевоенной средней школе в районе Рудных гор (Erzgebirge) в Саксонии, затем об учебе как будущего специалиста по Китаю в расположенном в Восточном Берлине Гумбольдт-университете и своем столкновении с партийными властями ГДР, переезде из Восточного Берлина на Запад и продолжении обучения уже в западногерманском Гамбургском университете. Эти воспоминания представляют ценность для исследователей противостояния восточного и западного блоков в Европе периода холодной войны, для историков, изучающих историю Германии.

В.П. Любин

Наконец-то мне это удалось: в 1952 г. я поступил в университет ГДР. После сдачи экзамена на аттестат зрелости в средней школе города Тум (район Рудных гор) в 1950 г., моим самым большим желанием было изучение иностранных языков. Еще во время обучения в средней школе я самостоятельно начал изучать китайский и арабский языки. Меня давно уже привлекали чужие культуры – чем экзотичнее, тем лучше.

Тернистый путь к учебе

Однако учеба в университете поначалу была для меня невозможной, так как «детям не из рабоче-крестьянских семей», таким как я, в ГДР тогда не выплачивалась стипендия. Решающим моментом в определении того, относился ли человек к «рабоче-крестьянской» или «не рабоче-крестьянской семье», являлся период непосредственно перед окончанием войны. Мой отец был школьным учителем, в 1945 г. как член НСДАП он был уволен, а после возвращения из британского плена трудился в качестве подсобного рабочего. Он зарабатывал так мало, что о финансировании учебы в университете не могло быть и речи. Заработать денег на учебу с помощью подработок также не представлялось возможным, потому что, насколько я мог судить из своего района Рудных гор, нигде не было работы для студентов. Я уехал в Лейпциг, к профессору синологии Лейпцигского университета Эдуарду Эркесу. Он был бы рад принять меня на обучение в качестве студента, но и сам не знал, где взять на это деньги.

В 1950 г. многие абитуриенты находились в той же ситуации, что и я. Когда мы спрашивали у руководства школы, что же нам делать в такой ситуации, то нам говорили: «Станьте учителями русского языка!» Тогда они очень требовались, так как, согласно распоряжению советских оккупационных властей, в школах, начиная с 5 класса, вводились обязательные уроки русского языка, причем не только в ГДР, но и во всех странах советского блока. Как грибы после дождя повсеместно появлялись многочисленные школы по подготовке учителей русского языка. Я и два моих одноклассника в сентябре 1950 г. подали документы в недавно основанную школу для подготовки учителей русского языка в городе Цвиккау, Саксония. Так как в средней школе мы брали уроки русского языка у профессиональной славистки (большое на тот момент исключение), нас тут же записали в самый продвинутый класс, и уже через два месяца мы закончили обучение и могли быть задействованы в качестве учителей.

Начиная с октября 1950 г. я преподавал русский язык и другие предметы в восьмиклассной средней школе в районе Рудных гор, не имея при этом педагогического образования и не проведя ни единого пробного урока. В качестве учителя русского языка я имел большие проблемы с дисциплиной в классе: я был ненамного старше своих учеников, а русский был самым нелюбимым предметом в школе, так как это был язык оккупационных властей. Родители давали понять своим детям, что им абсолютно все равно, какие оценки они будут получать по русскому языку. Это часто приводило к тому, что ученики рассматривали учителей как законный объект издевательств. Моего предшественника они запирали в шкафу и сажали в корзину для бумаг.

В 1952 г. я узнал, что отныне и «детям не из рабоче-крестьянских семей» выплачивалась стипендия для обучения в университете. Вскоре после этого я подал документы в Гумбольдтский университет, на специальность синология, и был принят. Было очень трудно получить разрешение на увольнение из школы у районного школьного совета в городе Аннаберг и у районного комитета коммунистической юношеской организации Союз свободной немецкой молодежи (ССНМ), так как повсеместно требовались учителя русского языка. Согласие Союза свободной немецкой молодежи было обязательным, так как я был членом этой организации. Без него нельзя было получить доступ к сдаче экзамена на аттестат зрелости. В конечном счете я все же получил необходимое разрешение.

Политические конфликты в «Институте китаистики»

В августе 1952 г. я начал изучать синологию как основной предмет и японистику как дополнительный в Гумбольдтском университете в Восточном Берлине. Закончилось мое обучение в июне 1954 г. принудительным отчислением.

Город Берлин произвел на меня неизгладимое впечатление, ведь я вырос в сельской местности района Рудных гор. Послевоенный Берлин был очень сильно разрушен, особенно что касается центра города. Я тогда снимал комнату в местечке Кляйнмахнов, расположенном на самой границе с Западным Берлином.

До строительства Берлинской стены в 1961 г. по решению четырех оккупационных держав было разрешено свободное перемещение по всем районам Берлина, т.е. по улицам города можно было свободно перемещаться на общественном транспорте. С 1952 г. на внешней границе между Западным Берлином и территорией ГДР имелись пограничные заставы и контрольно-пропускные пункты. До 1955 г. пограничный контроль осуществлялся советскими солдатами. Когда я отправился поездом из Хемница в Восточный Берлин, то выяснилось, что все пассажиры должны были предъявлять специальные документы, разрешающие им въезд в Восточный Берлин. Для нас, студентов, было достаточно студенческого билета Гумбольдтского университета.

Мне хватало 45 минут, чтобы доехать из Кляйнмахнова до университета на городской электричке через Западный Берлин. Такой путь хоть и был легальным, но с точки зрения правительства ГДР незаконным. Нам, студентам, постоянно напоминали в университете, что мы не должны ступать на «вражескую» территорию Западного Берлина. Я и мои политические соратники, конечно же, не собирались придерживаться подобных указаний.

Я вспоминаю одного убежденного члена правящей тогда Социалистической единой партии Германии (СЕПГ), который был моим однокурсником. Он также жил на территории ГДР, прилегавшей к Западному Берлину. Чтобы доехать до дома, он садился на скоростной поезд, позже прозванный в народе «Спутником», который объезжал Западный Берлин по территории ГДР. В связи с этим ему требовалось полтора-два часа, чтобы добраться до дома.

Впоследствии я снимал комнату в просторной квартире фрау Шмидт, вдовы машиностроителя, в Трептов-парке. Меня всегда удивляло, как моей хозяйке удавалось вести привычный буржуазный образ жизни, живя при этом в коммунистическом государстве. К примеру, она пользовалась услугами скромной домработницы из Силезии по имени Лизбет, которая спала в крохотной комнатушке рядом с кухней и называла хозяйку «сударыней». На свои лекции я добирался с помощью городской электрички, которая ходила от Трептов-парка до Фридрихштрассе.

Институт китаистики располагался по адресу Университетская улица 3b, между станцией Фридрихштрассе и главным зданием Гумбольдтского университета. При входе в здание университета мы должны были предъявлять студенческий билет.

На университетскую жизнь оказывал сильное влияние дух «классовой борьбы» и холодной войны. По одну сторону баррикад находились студенты

из «рабоче-крестьянских семей», которые, в отличие от нас, не проходили восьмиклассное обучение в средней школе, а были направлены с предприятий на двух- или трехгодичные подготовительные курсы на «рабоче-крестьянских факультетах» (РКФ). В основном здесь были представлены так называемые «верные линии партии», т.е. те, кто был предан идеалам СЕПГ. По другую сторону находились мы, «буржуи», на партийном жаргоне тогда это слово было ругательством, а сами себя мы воспринимали как противников режима.

Насколько я помню, студенты рабоче-крестьянских факультетов получали тогда стипендию в размере 170 марок, а мы – 130 марок. Тогда эта сумма составляла примерно половину от среднего заработка. Тем не менее раз в месяц я мог себе позволить пачку западного маргарина «Рама», который по вкусу был для меня чем-то вроде манны небесной, особенно по сравнению с прогорклым гдровским маргарином. Также раз в месяц я ходил с моим другом и однокурсником Вольфгангом Липпертом в западноберлинский джазовый клуб «Каюта», который располагался в разбомбленном подвале неподалеку от Шёнебергской ратуши. Там играла группа «Spree City Stompers», которая исполняла классический джаз. Для нас это была первая в жизни возможность послушать вживую осуждаемую в ГДР музыку. Мы были в полном восторге! За проход мы платили по билету студента ГДР 50 пфеннигов западными деньгами, за эту же сумму мы заказывали на весь вечер бутылку кока-колы. Таким образом, это приключение стоило мне 4 гдровских марки (при тогдашнем курсе 1:4).

Мы, противники режима, воспринимали Западный Берлин как рай на земле, и не только из-за более высокого уровня жизни. «Запад» с его свободолюбивым образом жизни казался нам полной противоположностью диктатуры ГДР с ее борьбой против инакомыслия и слежкой за всеми неугодными. Западный Берлин магическим образом манил почти каждого жителя ГДР. Я вспоминаю своих друзей, которые жили в моей родной деревне к югу от Хемница (с 1953 г. – Карл-Маркс-Штадт) и каждый вечер по пятницам, после окончания рабочего дня, ездили на велосипеде по автобану через Дрезден в Западный Берлин. Тогда это еще не было запрещено. Ночевали она на скамейках в парках, так как у них не было западных денег. Ночью в воскресенье они отправлялись обратно и уже утром в понедельник они были на своих рабочих местах.

В Институте сторонники режима и противники режима были полностью идентичны со студентами РКФ и «буржуями». Между обеими группами существовала почти что самая настоящая вражда. Никто никому не доверял. Различный уровень образования только усиливал политические разногласия. Если мы, «буржуи», обычно хорошо знали иностранные языки, то студенты РКФ ими не владели. В то время имелся только один уже устаревший немецко-

китайский словарь, поэтому мы пользовались китайско-английским и китайско-русским словарями, что было не под силу студентам РКФ.

Предмет «синология» появился в Гумбольдтском университете только в 1951 г. Под руководством Эдуарда Эркеса, заведующего кафедрой синологии в Лейпцигском университете, был основан «Институт китаистики». В 1953 г. руководителем института стал синолог и монголист Пауль Рачневски. Моими учителями были Эдуард Эркес (история Древнего Китая), Рачневски (классический китайский язык), Зигфрид Берзинг (новая история Китая и китайская литература) и Ювоон Чен (современный китайский язык). На занятиях по современному китайскому языку мы в том числе читали произведения Мао Цзэдуна. Занятия по разговорному китайскому языку были полной катастрофой, потому что чудаковатый китаец доктор Чен совершенно не владел навыками педагога. Занятия по классическому и современному японскому языку проводили профессора Мартин Рамминг и Герберг Цахерт. Последний был нашим самым любимым преподавателем. С 1933 по 1947 г. он жил в Японии, поэтому мог рассказать нам много разных захватывающих историй об этой стране.

Вскоре мы узнали, что профессор Эркес опубликовал брошюру, в которой осмелился оспорить наличие рабовладельческого общества в Китае. После этого мы стали еще больше уважать нашего преподавателя, ведь тем самым он открыто выступил против марксистско-ленинского учения о формациях, которое относилось ко всем обществам и странам, а также против того, что писалось в советских учебниках по истории Китая.

Со мной вместе обучались 34 человека по основному предмету «синология», обучение длилось четыре года. В качестве дополнительных предметов предлагались японистика, кореянистика и тибетология. Учеба доставляла мне большое удовольствие. На экзаменах я получал оценки «хорошо» и «отлично», даже по ненавистному предмету «Основы марксизма-ленинизма», по которому я чуть не получил «удовлетворительно». Этот предмет читался в главном здании университета, соглядатаи среди студентов вели списки присутствующих.

В 1953 г. я, мой друг Хайнц Фризе и еще один однокурсник получили задание дать несколько уроков немецкого языка дипломатам китайской торговой миссии, расположенной в берлинском районе Карлсхорст (китайского посольства тогда еще не было). В том же году Фризе бежал в ФРГ, чтобы продолжить изучение синологии у профессора Вольфганга Франке в Гамбурге.

Смерть Сталина

Самым важным политическим событием во время моего студенчества в Восточном Берлине стала смерть Сталина 5 марта 1953 г. Для нас, «буржу-

ев», Сталин был главным виновником создания той системы угнетения, от которой мы ежедневно страдали. Его смерть стала поводом для радости и многочисленных надежд. Об этом событии я узнал в семь часов утра благодаря новостям, передававшимся по РИАС – Радио в американском секторе, которое я слушал каждый день. В Институте я мог поделиться этой новостью лишь с несколькими друзьями, так как радио ГДР об этом еще пока не сообщало. Официально об этом событии мы узнали лишь тогда, когда наша секретарь Союза свободной немецкой молодежи вошла в учебную аудиторию с заплаканными глазами. В Лейпциге профессор Эркес со слезами на глазах объявил о смерти Сталина. От студентов славистики я узнал, что они выстроились перед своим институтом с большим портретом Сталина, чтобы нести почетный караул. Несущим вахту был замечен и профессор славистики Билефельдт, на плече он держал малокалиберную винтовку.

Восстание 17 июня 1953 г.

Самым крупным политическим событием того времени стало восстание рабочих 17 июня 1953 г. Мы, студенты-синологи, должны были во время каникул перевести с русского языка на немецкий книгу советского синолога Драгунова «Исследования по грамматике китайского языка». Когда я вечером 16 июня шел от института к станции метро «Фридрихштрассе», чтобы поехать домой, то я заметил на улице целые группы возбужденных людей, которые резко критиковали правительство. Впервые нечто подобное происходило публично.

По Фридрихштрассе в сторону северной части города маршировала организованная СЕПГ демонстрация, как положено с транспарантами и флагами. Участники демонстрации хором скандировали боевые песни. Как я узнал позднее, демонстранты направлялись в театр Фридрихштадтпаласт, где выступал с речью Вальтер Ульбрихт. Один из моих однокурсников видел, как эта же демонстрация возвращалась вечером из театра. Он слышал, как участники распевали песенку: «Да здравствует, да здравствует, да здравствует Вильгельм Пик, и наша, и наша, и наша республика!».

17 июня мы снова сидели в институте и переводили Драгунова, когда вдруг в аудиторию ворвался один студент и заявил: «Пока вы тут сидите, на Унтер-ден-Линден идет демонстрация!». Мы тут же все бросили и помчались на Унтер-ден-Линден. Я сразу влился в ряды демонстрантов, которые маршировали от Дома министерств на Лейпцигской улице в сторону Площади Маркса и Энгельса. Один из демонстрантов посоветовал мне снять мою куртку оливкового цвета, которую тогда носили все члены Союза свободной немецкой молодежи, так как совсем недавно якобы избили какого-то парня точно в такой же куртке. Такие куртки, насколько я помню, тогда не являлись

обязательным атрибутом членства в ССНМ, их тогда носила вся молодежь, так как они были удобными и дешевыми. Тем не менее у многих они ассоциировались именно с Союзом свободной немецкой молодежи. Поэтому я все же снял куртку и просто оставил ее в одном из подвалов на обочине улицы.

Демонстранты собрались на площади Маркса и Энгельса. С импровизированных трибун велись речи, призывавшие к свержению правительства. Я заметил, как один из моих однокурсников тайком снял со своей куртки значок члена СЕПГ и спрятал его в кармане. Внезапно послушался глухой гул. К площади подъезжали советские танки. Мы все тут же бросились бежать и рассеялись по боковым улицам. Я видел, как люди прямо с моста падали в реку Шпрее. Одна черная легковая машина, на которой обычно ездили партийные функционеры, была остановлена с криком: «Народный контроль! Немедленно выходите! Ваша машина будет сожжена!». После этого машина была опрокинута и подожжена. Я убежал к Александерплатц и оттуда на городской электричке уехал домой.

После подавления восстания мы, студенты-синологи, должны были «охранять» наш институт. По ночам мы спали прямо на столах. Также нас по одному водили на допросы, мы должны были рассказывать, чем мы занимались во время событий 17 июня.

Три «маленьких показательных процесса»

Как я позднее узнал, в 1954 г. в Государственном секретариате высшего образования, которому подчинялся Гумбольдтский университет, возникло мнение, что «идеологический уровень» в Институте китаистики оставляет желать лучшего, поэтому нужны «чистки».

Для меня и моих однокурсников чистки начались совершенно неожиданно 5 апреля 1954 г. В этот день состоялось ежемесячное собрание всех членов Союза свободной немецкой молодежи, на который мы поплелись сами того не желая.

Секретарь университетской группы ССНМ озвучила первый пункт повестки, который звучал как обычно – «улучшение нашей работы». Она констатировала, что нашу работу нужно улучшать, и затем величественным голосом продолжила: «Разве может быть хорошей наша работа, если есть такие люди, как друзья молодежи Хайнциг, Бурхардт и Берндт?». «Друг молодежи» – так тогда называли членов ССНМ. Затем она достала листочек и стала с него зачитывать: «Хайнциг, такого-то числа заявил то-то и то-то». Затем последовали якобы мои цитаты с указанием точных дат. Таким же образом она прошлась и по Карлу («Джимми») Бурхардту и Юргену Берндту. Мне были поставлены в вину три высказывания, моим друзьям по одному. В конце она потребовала с нас дать объяснения по поводу наших слов и призвала нас к самокритике.

Для нас троих это заявление прозвучало как гром среди ясного неба. В таких ситуациях в то время человек обычно должен был публично признать все свои ошибки. Насколько я помню, мы тогда так и сделали. Но наши обвинители были непреклонны. Они постоянно пытались продемонстрировать неприемлемость наших высказываний и выяснить причину нашего недостойного поведения, которая, конечно же, заключалась в «реакционном характере» нашего классового происхождения. Положение наше было плачевным, потому что мы действительно делали те самые высказывания, в которых нас обвиняли. Доносчики очень точно сообщили наши слова в вышестоящие инстанции. Поэтому отрицать вину было бесполезно, так как в любой момент можно было выслушать доносчиков в качестве свидетелей.

Что предъявляли лично мне? Я помню два пункта. Первое обвинение было связано с исторически недостоверным фильмом «Тельман», который тогда как раз показывали во всех кинотеатрах ГДР. Все члены ССНМ в обязательном порядке должны были его посмотреть. Я неоднократно отказывался идти на него. В самый последний раз, когда от меня потребовали назвать причины моего отказа, то я раздраженно ответил: «Я уже насмотрелся пропагандистских фильмов при нацистах!».

Второе обвинение было связано с моим утверждением, что председатель ЦК СЕПГ Вальтер Ульбрихт в начале 1930-х годов якобы содержал бордель. Эту новость я услышал по РИАС и тут же пересказал ее своим друзьям. Одна однокурсница подслушала наш разговор и тут же на меня донесла.

Когда на заседании ССНМ мне были предъявлены эти обвинения, я сразу же понял, что мне грозит большая опасность. Мои слова подпадали под статью 6, абзац 2 Конституции ГДР 1949 г. «злонамеренный призыв к бойкоту». Эта статья была сформулирована таким образом, что под нее могли попасть любые высказывания, которые так или иначе противоречили интересам партии. Несмотря на то, что сама статья не предусматривала каких-либо санкций, ее положения позволяли «немедленно начать уголовное преследование». В некоторых случаях обвинения в злонамеренном призыве к бойкоту могли заканчиваться смертным приговором, как, например, это было в 1952 г., когда активный участник сопротивления против диктатуры СЕПГ Йоханн Бурианек был казнен в Дрездене на гильотине.

Я мгновенно принял решение опровергнуть предъявляемые мне обвинения. Якобы я ничего не слышал и никакой информации не распространял. Сегодня мы уже знаем, что передаваемое РИАС сообщение было всего лишь «уткой». Об этом я узнал от Илько-Саши Ковальчука, который как раз работает над биографией Вальтера Ульбрихта.

Джимми Бурхардту было предъявлено совершенно абсурдное обвинение. Когда он вместе с другими студентами стоял в главном здании университета перед аудиторией, в которой проходил экзамен по предмету «Основы

марксизма-ленинизма», то он якобы с улыбкой на лице заявил: «Пришить бы мне сейчас вместо моей головы голову Джона Фостера Даллеса!». Он вроде как где-то услышал, что тогдашний государственный секретарь США Даллес является превосходным знатоком марксизма-ленинизма. Но Джимми не повезло, потому что Даллес тогда считался главным «поджигателем войны» и был главной целью коммунистической пропаганды за рубежом.

Юргену Берндту ставили в вину его высказывание: «Из этого государства мы (имелись в виду "буржуи") никогда не уедем в Китай!». Но это действительно было так. Поехать по обмену в Китай тогда могли только политически благонадежные студенты рабоче-крестьянских факультетов. Более того, тех студентов, кто хотел выехать в Китай, партия принуждала жениться или выйти замуж, точно так же, как это описано в романе Германна Канта «Актовый зал». Китайцы впускали в страну тогда только женатых студентов, дабы избежать любовных связей между иностранцами и китайцами.

Участники заседания единогласно решили, что нам троим нужно объявить выговор – тогда это было самое мягкое наказание, которое мог получить член ССНМ. Заседание затянулось до вечера.

Во время обеденного перерыва ко мне подошел секретарь СЕПГ Герберт Бройтигам и посоветовал мне добровольно отправиться на производство. «Исправление через производство» – в то время это была расхожая фраза. Эта мера дисциплинарного наказания, применявшаяся в 1950–1970 гг., пришла из СССР и назначалась государственными органами для политических противников режима. Таких людей принуждали к тяжелому физическому труду на производстве, чтобы, как тогда считали, они могли повысить свой «идеологический уровень» через работу в «социалистическом трудовом коллективе» в промышленности. В случае «исправления» человек возвращался на свое обычное рабочее место. Чаще всего эта мера применялась к студентам, деятелям искусства и работникам умственного труда, но иногда и к государственным служащим. Мера эта по времени была ограничена обычно одним-двумя годами, но в случае добровольного согласия могла быть бессрочной, как, собственно, это впоследствии и окажется в моем «безнадежном» случае.

Уже тогда я мог предположить, что меня в конечном счете будет ожидать. Но я был настолько ошеломлен предложением Бройтигама, что резко отклонил его и заявил: «Да ты с ума сошел!».

Партийная группа СЕПГ, которая тайно вела наш процесс, уже давно все решила. Нужно было устроить показательную порку на одном из диссидентов. Выбор пал на меня, так как против меня имелось больше всего доказательств.

У меня возникло ощущение, что все закончится на объявленном мне выговоре. Но уже на следующем заседании ССНМ, состоявшемся две недели спустя на философском факультете, я понял, что жестоко ошибался. Вновь

нас троих заклеймили позором и призвали к самокритике. Джимми Бурхардт назвал впоследствии это заседание «нашим маленьким показательным процессом». В конце концов на заседании было принято решение ограничиться выговором в отношении Бурхардта и Берндта, а вот меня ожидало «порицание» – второе по тяжести наказание, применяемое к членам ССНМ.

О том, что на этом мои беды еще не закончились, я узнал от секретаря института Инге Бюхнер, которая очень хорошо ко мне относилась. До нее дошла информация, что партийная ячейка института решила добиться моего отчисления. Впервые мне стало понятно, чего именно добивается партия. И все же я был полон решимости ни в коем случае не соглашаться на добровольное «исправление через производство».

Чтобы придать всему этому делу псевдодемократическую окраску, на 31 мая было назначено расширенное заседание ССНМ, в котором принимали участие в том числе и индологи. Демократическая оболочка всегда казалась крайне важной функционерам из СЕПГ. Например, в мае 1945 г. Вальтер Ульбрихт напутствовал своего товарища Вольфганга Леонхарда такими словами: «Всё должно выглядеть демократически, но власть при этом должна быть в наших руках».

Решающее заседание

Мне с самого начала было ясно, что заседание так или иначе закончится решением о моем отчислении. Своих политических друзей я попросил в случае голосования выступить против меня, дабы не навлечь на себя ненужных неприятностей.

На заседании присутствовала заместитель проректора по работе со студентами Кэти Ганца. Всё заседание целиком и полностью было посвящено мне. Против меня были выдвинуты все те же обвинения, в том числе и история с Вальтером Ульбрихтом, но я снова все отрицал. Тогда вызвали мою однокурсницу, ведь якобы она точно слышала, что именно я сказал. Она вдруг начала плакать и, глотая слезы, заявила: «Он сказал, что Вальтер Ульбрихт в начале 1930-х годов якобы содержал бордель». После этих слов воцарилось полное молчание. По каким-то причинам эту тему развивать не стали, почему именно – я не знаю, ведь мне могли спокойно предъявить обвинение в злонамеренном призыве к бойкоту.

Зато меня уличили в другом. Было объявлено о необходимости доподлинно выяснить, являются ли мои проступки следствием моего мелкобуржуазного происхождения, от которого мне никак не избавиться, или я простонапросто являюсь фашистом. «Фашист» – в коммунистическом лексиконе это был самый худший термин, который применялся к политическим противникам. Тут поднялся один мой однокурсник, матерый коммунист и ярый член

СЕПГ, ткнул в меня пальцем и громогласно заявил: «Он фашист! Я видел, как он однажды использовал гитлеровское приветствие!».

Однажды я действительно нагло открыл дверь в институтский секретариат, резко вошел, щелкнул каблуками, поднял вверх правую руку и выкрикнул: «Хайль Гитлер!». При этом я широко улыбался, потому что это всего лишь была шутка, любому это было понятно. Я хоть и воспитывался в нацистской детской организации «Юнгфольк», но к 1954 г. уже давным-давно не симпатизировал национал-социализму. На заседании я объяснил, что моя выходка была всего лишь глупым розыгрышем, так оно и было на самом деле.

Тем не менее единогласно было решено исключить меня из рядов ССНМ. Я должен был публично сдать свое членское удостоверение. Затем собрание должно было решить, стоит ли подать заявление на имя ректора с требованием отчислить меня из университета. Как обычно все проголосовали за, никто – против, по крайней мере так все выглядело. Но когда был задан вопрос, воздерживается ли кто-либо от голосования, то тут внезапно поднял руку Готтфрид Шпис. Все в изумлении уставились на него. Тогда это было просто немыслимо – выступить против решения большинства. «Но Готтфрид, – в ужасе спросила секретарь ССНМ, – почему ты воздерживаешься от голосования?». Тот тихо и медленно ответил: «Товарищ Хайнциг действительно допустил немало ошибок. Но я не считаю, что они настолько ужасны, чтобы исключать его из университета». Затем вновь воцарилась тишина.

Поведение Готтфрида можно было объяснить следующим образом: он был единственным из моих политических друзей, кого я не предупредил о заседании, так как не смог с ним связаться. Поэтому он не знал о моей договоренности с друзьями голосовать на заседании против меня. Позже он рассказал мне, что из-за нежелания высказаться против меня его «хорошенько так пропесочили».

В самом конце заседания фрау Ганца спросила меня, готов ли я добровольно отправиться на производственную работу. Я отказался, после чего она предоставила мне две недели для размышлений, по истечении которых я должен был явиться к ней.

Угроза преследования со стороны Штази

Через неделю после заседания, 8 июня, я явился в кабинет фрау Ганцы, расположенный в главном здании университета. Она спросила меня, не изменил ли я своего решения. Я заявил, что не готов добровольно отправиться на производственную работу. После этого она отвела меня в кабинет своего начальника, проректора по работе со студентами Роберта Девай. Он как раз в этом году сменил на этой должности Роберта Хафеманна и занял его роскошный кабинет с видом на улицу Унтер-ден-Линден.

Даже не взглянув на меня, он движением руки указал мне на место перед его рабочим столом, куда я и сел. Некоторое время он молча листал мое дело. Затем, впервые посмотрев на меня, он сказал: «Китайский язык – отлично, японский язык – хорошо, марксизм-ленинизм – удовлетворительно. Такая хорошая успеваемость! И вы такое творите, товарищ Хайнциг! Зачем?». Я уже не помню, что я ему ответил. Затем он задал мне сакраментальный вопрос: «Вы сами все понимаете, поэтому я спрошу вас еще раз: вы готовы добровольно пойти на производственную работу?». Я снова отказался. Тогда он громким голосом ответил: «Что ж, раз вы все-таки ничего не понимаете, то придется прибегнуть к помощи государственных органов!». Он схватил телефонную трубку и начал набирать какой-то номер телефона. Под «государственными органами» в то время понимали, конечно же, Службу государственной безопасности ГДР – Штази.

Внутренне я был готов к такому повороту событий. Незадолго до всего этого я впервые обратился в консультационную службу для восточногерманских студентов, расположенную в Западном Берлине. В случае серьезного обострения моего положения мне там посоветовали формально принять все предъявляемые мне требования, а затем уехать из ГДР.

Вспомнив о данных рекомендациях, я заявил Деваю, что я все-таки готов принять его предложение и отправиться на производственную работу. Он тут же повесил трубку, пропустил мимо ушей весь цинизм моих слов, подошел ко мне и, положив по-отечески свою руку на мое плечо, сказал: «Вот видите, товарищ Хайнциг, я так и знал, что в конце концов мы с вами договоримся». – Затем, уже более мягким тоном, он добавил: «Мы не хотим вам навредить. А если вы хорошо проявите себя на производственной работе, то мы обязательно об этом узнаем, и тогда через три-четыре года вы сможете продолжить учебу в Гумбольдтском университете».

Он нажал на кнопку звонка, и вскоре в кабинете появилась фрау Ганца. Радостным тоном он ей сообщил: «Товарищ Хайнциг все осознал!». С едва заметной улыбкой на лице она ответила: «О, это очень хорошо!». Она отвела меня в свой кабинет и спросила, в какой отрасли промышленности я хотел бы работать. Я спросил ее, что бы она сама могла порекомендовать. После некоторых раздумий она предложила мне должность экскаваторщика на подземных работах. Тут я отважился на то, чтобы возразить ей. «Нет, – сказал я, – я хотел бы работать на заводе “Висмут”. Как мне показалось, ее растрогала мысль о том, что я хочу работать на наших «советских друзей», как тогда говорилось. Ведь добыча урана в районе Железных гор тогда осуществлялась советским акционерным обществом «Висмут». Она спросила меня, каким образом я собираюсь туда устроиться. Я ответил ей, что это не составит никакого труда, так как мой отец как раз работал на предприятии «Висмут» в городке Шнеберг. Мне нужно было всего лишь поехать туда и зайти в отдел

кадров. Мой ответ ее удовлетворил. Она сказала, что ей нужно подать на меня заявку на отчисление, после чего я был свободен.

Я до сих пор спрашиваю себя, действительно ли фрау Ганца была такой наивной, чтобы поверить мне. Она не могла не знать, что только в 1953 г. более 300 000 граждан ГДР бежали в ФРГ через Западный Берлин. Кроме того, мне до сих пор непонятно, почему именно в моем случае все настаивали на том, чтобы я добровольно вызвался на производственную работу.

Решение бежать на Запад

Решение было принято. Я не собирался «добровольно» отправляться на неопределенный срок на производственную работу с целью «повысить свой идеологический уровень среди рабочего коллектива». О продолжении учебы в таком случае можно было и не думать. Мое отвращение к коммунистическому режиму в ГДР было таким сильным, что я точно не смог бы его скрыть даже на производственной работе, к тому же все, кого на нее отправляли, находились под пристальным контролем со стороны органов госбезопасности. Поэтому я был полон решимости «сбежать», как тогда говорили в ГДР, дабы продолжить свою учебу в западной Германии.

18 июня я подал в секретариат университета заявление об отчислении. В формуляре нужно было заполнить пункт о причине отчисления. Я спросил у одного из секретарей, что я должен был написать. С насмешкой в голосе она поинтересовалась: «Ну и какая у вас причина?». Я тут же дал стандартный ответ, который к тому времени стал рутинной формулировкой: «Отправляется на производственную работу в связи с сильной идеологической неблагонадежностью». На это она заметила: «Ну так и напишите». Прежде чем я сдал в секретариат свое заявление об отчислении, я сделал его копию в Ка-Де-Ве (универмаг Kaufhaus des Westens в берлинском районе Шёнеберг) и заверил ее в участковом суде района Шарлотенбург.

Когда я прощался с директором Института китаистики профессором Паулем Рачневски, он с грустью в глазах посмотрел на меня и сказал, что жалеет о моем уходе, ведь я мог бы стать перспективным молодым ученым.

Я подавал заявление на отчисление в надежде, что мне дадут документ о прохождении двух курсов обучения. Но руководство не дало мне такого документа, вероятно, не желая помогать мне в случае моего «бегства» на запад. Когда я обо всем этом рассказал Инге Бюхнер, она тайно раздобыла для меня свидетельство о прохождении промежуточных экзаменов. Я никогда не забуду ее мужество и ту помощь, которую она мне оказала. Я сделал копию свидетельства в Западном Берлине и заверил в участковом районном суде, прежде чем вернул его назад.

Прощание

Сразу же после отчисления я поехал домой, чтобы попрощаться с родителями и сестрой. Прощание далось нам тяжело. Мы не знали, что меня ждет на Западе и когда мы снова увидимся. Если бы не принудительное отчисление, я никогда не решился бы на такой шаг, потому что учиться мне всегда нравилось. Разлука с семьей причинила мне много горя. Мне становилось страшно от одной мысли о моем туманном будущем на Западе. Но мне совсем не хотелось работать строителем подземных сооружений, я хотел закончить университет и получить высшее образование.

Через две недели я вернулся в мою квартиру в районе Трептов-парка и собрал все свои вещи. Их у меня было немного: кое-какая одежда, в том числе оливкового цвета куртка члена ССНМ, которую я все-таки забрал из подвала на улице Унтер-ден-Линден, и несколько книг. Тем не менее далеко не все вещи вошли в мой маленький чемодан.

17 июля 1954 г. я сел на городскую электричку на станции Фридрихштрассе и отправился в Западный Берлин. Там я сразу же обратился в главный лагерь для беженцев в районе Мариенфельде. Затем я снова вернулся в мою квартиру в Трептов-парке и забрал оставшиеся вещи, в том числе 12-томное собрание сочинений Иосифа Сталина на немецком языке, которое мы как студенты в обязательном порядке должны были приобретать. Сегодня мне кажется абсолютно абсурдным тот факт, что мне внезапно захотелось увезти с собой на Запад книги ненавистного мне автора. Вероятно, это был приступ алчности заядлого библиофила. Собрание сочинений Сталина до сих пор хранится в подвале моего дома и напоминает мне о тяжелых временах.

В августе я вместе с некоторыми другими беженцами из ГДР улетел в Гамбург, а оттуда на автобусе добрался до молодежного лагеря Зандбостель. Во времена национал-социализма это был концентрационный лагерь и лагерь для военнопленных, расположен он был на севере Нижней Саксонии, посреди болот.

В середине сентября 1954 г. я вернулся в Гамбург, чтобы продолжить свое обучение в местном университете у профессора синологии Вольфганга Франке.